

ОЛЕГ СЕВЕРЮХИН

Космонавта никто не ждал

Олег Васильевич Северюхин

Космонавта никто не ждал

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060476
ISBN 9785447414498*

Аннотация

Советский космонавт отправлен в тайный космический полет на многоразовом космическом корабле с фотонным двигателем на предполагаемую обитаемую планету XZ, являющуюся противовесом нашей Земли в другой Галактике. В ходе многолетнего космического полета космонавт побывал на планете, населенной мыслящими микроорганизмами, пошел на риск и увеличил скорость космического корабля, нашел способ вступить в контакт с жителями планеты XZ, являющейся прототипом Земли на более ранней стадии развития.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Космонавта никто не ждал

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-1449-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Эти записи можно читать с конца. Разницы никакой. Только с конца можно будет читать тогда, когда я поставлю точку в моем повествовании, а до этой точки еще далеко. Хотя и не совсем далеко, смотря какую точку отсчета брать.

Все-таки нужно начинать сначала. А с чего все началось? Вероятно, началось все с того, что когда на очередном дне рождения меня спросили, кем я хочу стать? Я ответил:

– Космонавтом!

В то время о полетах в космос никто не думал. Только что запустили в космос искусственный спутник – блестящий металлический шар с передатчиком, который летал вокруг земли и передавал сигналы: пи-пи-пи-пи-пи... Запипикал всех.

Все большие страны мира всполошились. Если русские смогли вывести в космос свой спутник, то скоро они сами полезут туда.

В то время народ наш еще не потерял самобытности русской и смекалки со сметливостью. Все наш народ мог сделать, да вот только его останавливали враги внешние – империалисты всякие и враги внутренние – партийные руководители, которые загубили наше первенство в биологии, генетике и кибернетике, объявив последнюю продажной девкой и империализма.

И все равно начало моего повествования относится к еще

более раннему периоду – к моему заиканию. С чего я начал заикаться, не знал никто. Начал говорить и сразу с заиканием. Может, мать моя где-то испугалась и меня напугала, и родился я испуганным и заикающимся.

Куда меня ни водили, каким врачам только не показывали, все разводили руками. Говорят, что заикание нужно лечить в течение многих лет путем занятий с квалифицированными логопедами и то не факт, что дефект речи можно полностью преодолеть. Одни заставляли меня говорить нараспев, другие – говорить со сжатыми зубами или махать перед собой руками. Мне кажется, что от всех этих упражнений я стал еще больше заикаться.

– Милая, – сказала моей матери пожилая женщина, работавшая гардеробщицей в одной из поликлиник, – врачи-то могут лечить те болезни, которые видны, а те, которые неизвестно от чего, они не лечат. Своди пацаненка к ведуну, он на окраине поселка живет. Если и он не вылечит, то хоть присоветует что.

Пошли мы к этому ведуну. Им оказался старичок с седой бородкой, который держал три улья и небольшой огородик.

Маме моей он и рта раскрыть не дал.

– Ты, милая, не волнуйся, – сказал он, – ребенок твой сам вылечится. Вот возьми пчел сушеных да позаваривай с ними чай. Пои его три раза в день по столовой ложке. Мышца у него дергается, горло перехватывает. Душа у него заячья, вот и проявляется. Пусть подерется с кем-нибудь и все у него

пройдет.

— Да что это вы говорите, — возмутилась мама, — как я его буду на людей науськивать?

— А не надо науськивать, — сказал старичок, — научи его сначала без боязни в темную комнату заходить, а отец пусть покажет, как надо бороться и драться, чтобы за себя постоять. Зайцы они знаешь, какие храбрые бывают? Ого-го-го! Все мы зайцы по природе. Только одни больше, а другие — меньше. Если пчелы не помогут, то приходи еще, что-нибудь да придумаем.

Я смотрел на него и в душе улыбался. Надо же, дядьки и тетki в белых халатах ничего не сделали, а он сушеными пчелами меня вылечит.

— А ты, вьюнош, не лыбься, — сказал ведун, — тебе судьбина уготована трудная. Без храбрости сгинешь в неизвестности, а так сможешь быть тем, кем захочешь. Не бойся ничего, тогда тебя будут бояться. Давай, иди, подрастешь, тогда и сам можешь ко мне прийти, если я еще жив буду.

Когда 12 апреля 1961 года вдруг заработали все радиостанции Советского Союза и Левитан торжественным голосом подтвердил, что работают все радиостанции и передается заявление Советского правительства, то все население нашей страны присело как перед ударом.

Так, обычно, объявляют о начале войны и о вероломном нападении на нас, к чему нам уже не привыкать. А когда передали, что в космос полетел первый космонавт в ми-

ре и этим космонавтом оказался наш летчик, майор Гагарин Юрий Алексеевич, то ликование нашей страны не было предела. Нет новой войны! Победа в космосе! Мы снова самые первые в мире. Партия поставила задачу во всем догнать и перегнать Америку. Перегоняем! Да здравствует непобедимая Коммунистическая партия Советского Союза, ум, честь и совесть нашей эпохи, вдохновитель и организатор всех наших побед!

Что такое космос, в нашей стране мало кто знал. Знали, что космос бесконечный, но где этот космос начинается, можно ли назвать космонавтами летчиков, которые летают на больших высотах? Все это у нас было под большим секретом. Кто слишком интересовался этими вопросами, те попадали на заметку органам, обязанным следить за сохранением секретов. О подготовке космонавтов никто и ничего не говорил. Где их готовят, как? Это потом стали рассказывать про методику подготовки космонавтов, когда кончилось время единоличного освоения космоса нашими космонавтами.

Вот тогда я и заявил, что хочу стать космонавтом.

Как ни странно, но заикание мое прошло само собой через несколько дней после того, как меня стали поить отваром из сушеных пчел. Я помню, как отец закрывал меня в темном чулане в нашем сарайчике неподалеку от коммунального дома, и у меня сердце выпрыгивало из груди от страха. Я все ждал, что из темноты высунется костлявая рука и схватит меня за горло. Или кто схватит меня и потащит туда, даль-

ше в темноту. Но ничего не происходило. И страх темноты потихоньку исчезал.

А потом я крепко подрался с пацанами, которые стояли у кинотеатра и отбирали у малышни гривенники, данные родителями на кино. И во время драки я понял, что нужно быть внимательным и не бросаться на прямой удар, а увертываться и выискивать слабые места у противника, по которым нужно бить жестко и сильно, а пощаду давать только тому сопернику, у которого есть благородство – он потом ответит тем же. И наиболее опасны те, кто лапки вверх и хвостом начинают вилять, типа, я предан тебе как собака. Эти сдадут с потрохами любому, кто окажется чуть посильнее.

После первой драки что-то изменилось во мне, во взгляде что ли, и задиры стали обходить меня стороной, хотя об этой драке мало кто и знал. Я как бы прошел первую ступень становления мужчиной.

В школе я не стал говорить, что буду космонавтом, но детскую мечту я не оставил. В космонавты берут из летчиков, значит и мне нужно стать летчиком. Стал готовиться к поступлению в летное училище. Прыгал с крыш сараев в снег. Гонял на лыжах с крутых гор и прыгал с самодельного трамплина.

Во время приписки в военкомате сказал, что хочу стать летчиком и учиться в летном училище. На выбор три училища. Направление на медкомиссию. Все хорошо, но в детстве у меня была сломана нога. Все зажило, но мало ли что. Кро-

ме того, откуда-то взялся хронический тонзиллит и неполадки с вестибулярным аппаратом. Это потом я узнал, что этот тонзиллит есть у всех, но с помощью него можно любого человека забраковать на медкомиссии в военное училище. Конкурс в военное училище всегда был немаленький, по пять-шесть человек на место. Профессия военного в мое время была престижной и не каждого человека брали в училище. А у меня полный крах с моей детской мечтой. Обидно до слез. Какой-то капитан с артиллерийскими эмблемами успокоил:

– Не расстраивайся, парень, сейчас все в космонавты идут, а ведь кому-то нужно эти корабли строить и запускать. И потом, когда будут создаваться космические станции, а в космос будут летать и самолеты, то потребуются бортинженеры. А где их взять? А их готовят в училище в соседнем уральском городке. Станешь военным инженером, конструктором, строителем космических кораблей. Звучит? Еще как звучит! Я бы сам туда пошел учиться, да только в мое время космосом никто не увлекался, а артиллерийское училище это как бы кузница кадров для тех, кто стал заниматься ракетами, да вот я уже туда не попаду, а ты можешь осуществить свою мечту. Решай, поедешь в инженерное училище?

Я минуту подумал и согласно махнул рукой:

– Пишите, поеду.

– Молодец, парень, – сказал мне капитан и пожал мою руку, – ты еще меня вспомнишь хорошим словом.

Ну, не мог человек так убедительно обманывать меня. А у него со службой что-то, вероятно, не пошло, раз он в военкомате оказался, а, может, что-то по семейным обстоятельствам. Да мало ли что у людей может быть, но чувствуется, что капитан этот не на парадах был, а в войсках служил.

Родители мой выбор одобрили. В школе тоже похвалили. Учитель обществоведения на школьном собрании сказала, что школа гордится такими выпускниками-патриотами, как я и мои друзья, которых направили в другие училища.

Когда определишься со своим дальнейшим выбором, то жизнь укладывается в ровное русло и течет по тому направлению, которое выбрано. Незаметно подошло время выпускных экзаменов. Волнения, штудирование учебников, напряжение юношеской памяти.

Выпускной вечер прошел без большой помпы, как это делают сейчас. Торжественная часть. Поздравления нас, поздравления учителей, вручение аттестатов, танцы, и всё. Горюшок у нас маленький, порядки патриархальные и никаких выпивок по школьной программе предусмотрено не было. В принципе, она и не нужна.

Расходились все под утро. Я прощался с классом навсегда. Почему навсегда? Мне как-то казалось, что мы больше никогда не встретимся. Все разъедутся в разные стороны и забудут друг о друге. Вероятно, это предчувствие мне говорило об этом, а предчувствие меня не обманывало никогда.

После экзаменов неделя отдыха и выезд на следующие эк-

замены в военное училище.

Перед отъездом отец отдал мне письмо, брошенное в наш почтовый ящик. Конверта не было, подпись оторвана:

«Я тебя люблю. Сначала ты мне нравился просто как ласковый мальчик, который учится в соседнем классе, но когда я увидела звериный блеск в твоих глазах, когда ты бросился на защиту своей одноклассницы, я поняла, что люблю тебя.

Я очень обрадовалась, когда наши классы объединили, но потом я поняла, какая это мука каждый день видеть тебя и не иметь возможности подойти к тебе, потому что ты был окружен вниманием всех наших девчонок, старавшихся пробить брешь в той стене, которую ты построил, войдя в наш класс.

Я помню, как ты вошел в класс, хмурый, грозно спросил, где свободная парта, сел за неё и положил ногу на сиденье, явно показывая, что никого не хочешь видеть рядом. И в нашем классе оказалось 35 учеников, что позволило тебе сидеть одному.

А твоя наглая манера осматривать всех девчонок, иногда задерживая на ком-то взгляд и вгоняя её в краску? Я всегда злюсь, когда ты начинаешь утренний осмотр девчонок.

Как мы старались попасть вместе с тобой в дежурство по классу. Ты поднимал парты, выметал под ними мусор и бегал по несколько раз менять воду в ведре, пока мы мыли пол.

А помнишь, на субботнике, когда Танька вместе с рамой

начала вываливаться из окна нашего класса на третьем этаже, ты успел схватить ее за ноги, и она висела головой вниз, сверкая своими голубыми рейтузами. Только ты один не смеялся над ней. Это оценили все.

На вечерах 28 октября в день создания комсомола ты всегда был в военной форме и играл то белогвардейского офицера, то немца, которые пытаются поправшую в плен комсомолку. И тебе единственному разрешали курить в школе на сцене. А как верещала Галка, когда ты ей нечаянно прижег руку папиросой? И как потом гладил руку плачущей Галки и дул на обожженное место, и мы так отчаянно завидовали Галке, что она на некоторое время стала нашим врагом.

Ты всегда что-нибудь интересно рассказывал, и вокруг тебя собирались ребята, а нам приходилось прислушиваться к тому, что вы обсуждаете во время ваших разговоров.

Ты играл всеми девчонками, как кот с мышками, но ни одной не удалось поиграть тобой. Тебе ничего не стоило на школьном вечере пройти через весь зал, пригласить девушку и выйти с ней на середину зала первым и начать танцевать. Даже наши молодые преподаватели называли это вызывающим и не совсем скромным поведением.

Когда ты пошел в военкомат и подал заявление о поступлении в военное училище, то я поняла, что скоро совсем потеряю тебя.

Я не думаю, что тебе удастся забыть меня. Когда-нибудь я встречу тебя в дороге, на вокзале и скажу: «Здравствуй,

любимый!»

По почерку я не смог определить автора, а отец не сказал, от кого оно.

– Это детство и забудь о письме, – сказал он, – если все серьезно, то она найдет тебя, если нет, то и сердце волновать не нужно, у тебя впереди новая жизнь. Иди и не оглядывайся назад.

Глава 2

Тот, кто поступает в высшее учебное заведение, называется абитуриент. Термин этот происходит от латинских слов *abituriens* (*abiturientis*) – собирающийся уходить или от *abiturus* – тот, кто должен уйти. Одним словом, все, кто собрался на испытания в качестве будущих курсантов военного училища, были кандидатами на уход, на выкиньштейн. То есть, большая часть из нас должна уйти.

Какие-то веками выработанные предками рефлексy, как результат полученных знаний, стали основополагающими в выживании в огромной конкурентной среде.

Преподаватели с нами особенно не церемонились и конкуренты тоже не блистали чистотой помыслов и рыцарскими качествами. Стали выявляться факты утери, а вернее кражи и уничтожения комсомольских билетов.

Кто жил в то время, тот знает, что не члена ВЛКСМ (Все-союзного Ленинского Коммунистического Союза Молоде-жи) в военное училище не примут. Потерял комсомольский билет, значит, ты недобросовестный комсомолец и каким бы ты ни был хорошим или талантливым человеком, будущим Лобачевским или Ломоносовым, изобретателем пороха или первопечатником, но в военное училище тебя не примут. *Abiturus*, мой друг.

Или на экзамене подкинут шпаргалку, хотя она тебе со-

вершенно не нужна. Но раз тебе кинули шпаргалку, значит, она тебе нужна и ты пошел на подлог, чтобы обмануть преподавателей. *Abiturus!*

Кто-то принес в абитуриентскую казарму вина и предложил выпить. Наутро разбор полетов. Участники дегустации, выйти из строя. *Abiturus!*

И каждый день: *Abiturus! Abiturus! Abiturus!*

Время в экзаменационный период расходовалось экономно. Подъем в шесть часов тридцать минут утра. Физзарядка. Туалет, заправка коек. Завтрак. Перекур. Самоподготовка до обеда. Обед. Перекур. Далее должны быть тренировки, но какие тут тренировки, когда на месяц прислана бесплатная рабочая сила.

После обеда различные хозяйственные работы от приведения в порядок казарм старших курсов до строительных работ по асфальтированию дорожек и строевых плацев. Ужин и свободное время. Затем политико-воспитательная работа об истории училища и его традициях. Затем отбой.

Когда человек постоянно чем-то занят, у него нет мыслей на совершение дурных дел. Хотя, как я уже говорил, у кого есть такая цель, то он обязательно найдет время для ее реализации.

Нужно отметить, что обязательная ежедневная самоподготовка к экзаменам давала свои результаты. Я сдал экзамены хорошо и был внесен в список на мандатную комиссию.

Мандатная комиссия объективно является профформой.

Люди сидят за столом и перелистывают листочки будущего личного дела.

Оценочные ведомости на виду, всех более интересует, что находится в конвертике, подклеенном на внутренней стороне обложки. А там, в конвертике, находится все то, о чем писал поэт Некрасов: «все заносили десятники в книжку, брал ли на баню, лежал ли больной...». Справочки из милиции и компетентных органов о тебе самом, о твоих родителях и родственниках.

По младости лет наших это вызывало резкое неприятие, но с течением времени начинаешь понимать, что всё это обоснованно. Из этих бумажечек и складывается характеристика человека, по которой можно судить, на что он способен и что от него можно ожидать.

Еще Игнаций Лайола из ордена иезуитов призывал обращать внимание на самые незначительные детали, мелочи, которые впоследствии оказывались средствами воспитания и воздействия на нужного человека. А потом вдруг оказывается, что служил себе полковник или генерал, зарабатывал себе ордена, медали, должности, получал воинские звания, а в это же время он исправно трудился не на нас. Можно и пофамильные примеры привести, да только речь пойдет не об этом.

Мандатной комиссии редко когда приходится выбирать между двумя отличниками и скрепя сердце отдавать предпочтение одному из двоих неразлучных друзей. Не верьте в эти

сентименты. Это все сюжеты кино для экзальтированных девочек, готовых пустить слезу по смазливому мальчику.

Все идет как в паскудной и поэтому популярной телеигре «Слабое звено». Вот это звено как раз часто и побеждает. Как бывает искренне жаль, когда фанатам военной службы, талантливым и высокопорядочным людям приходилось слышать: *Abiturus!*

Превращение гражданского человека в военного происходит мгновенно. Постригли, помыли, переодели. И вот стоит мешковато одетый военный человек. Вроде бы и военный, но совершенно не военный. Чтобы он стал военным, ему нужно придать внешний лоск и внутреннюю убежденность. Мастера по этому делу стараются, и скоро человек сам начинает понимать, что если уж взялся за гуж, то не говори, что не дюж. И уже он с мазохистским упорством начинает преодолевать все тяготы и лишения воинской службы, дожидаясь того момента, когда на его плечи лягут золотые погоны, а вся жизнь станет блестящей и сияющей. Но до этого еще долго. А как блеснит офицерская жизнь, знают только офицеры и их жены.

*Скоро выпуск и мы офицеры,
Бросит мелочь мальчишеский строй,
И забот у нас будет без меры
И по золоту звездочек рой.*

Училище наше относится к системе ракетных войск стра-

тегического назначения (пусть не обижаются те, кто пишет все эти слова с большой буквы как имена собственные), но в то время таких войск не было и вообще училище было строго засекреченным. Даже форма на нас была лётная, только с техническими эмблемами, за что все представители других родов войск нас называли просто мотористами. Мы обижались и не могли им ответить, кто мы на самом деле, ожидая момента, когда наши ракеты полетят в космос, а мы будем бортинженерами на этих прекрасных и мощных кораблях будущего.

До ракет было далеко. Сначала была общевойсковая подготовка как командиров пехотных взводов и те же учебные дисциплины, что и в любом техническом ВУЗе с той лишь разницей, что после занятий у нас была обязательная самоподготовка, которая способствовала усвоению изучаемого материала.

Два раза в год я ездил в отпуск к родителям. Все как в институте. Зимняя сессия – две недели отпуска. Летняя сессия – месяц отпуска. Одна лишь разница, что дорога бесплатная, обмундирование, жилье и питание. Но дисциплина и внутренняя служба вдобавок. Наряды, караулы, разводы. А вот этого гражданские студенты стараются избегать. Что же, каждому свое.

Возьмем караул. Охрану объектов. Знамя, склады боеприпасов и ракетной техники охраняют часовые с боеприпасами. Все остальное – сторожевые посты. Часовые с автомата-

ми с примкнутыми штык-ножами, но без патронов.

Время тогда было несколько спокойнее, чем то, когда начались девяностые годы. На часовых никто не нападал и случаи утраты оружия были редкостью.

Как-то мне пришлось нести службу на особом объекте, называемом баня. Банно-прачечный комбинат, в котором мы еженедельно мылись, и где стиралось наше постельное и нательное белье.

Пост находился за пределами училища, можно сказать в городе, недалеко от жилых домов и всегда привлекал внимание местного населения.

В тот вечер была суббота глубокой осени. Группа молодых людей в подвыпитом состоянии шла прямо на меня. Я все сделал по уставу:

– Стой! Обойти вправо!

На мои оклики меня послали в пешеходную прогулку с эротическим уклоном и продолжили путь ко мне.

Я взял автомат наизготовку и крикнул:

– Стой! Стрелять буду!

Ответом мне был смех и слова одного парня из компании, который говорил своим собутыльникам, что у меня патронов нет и стрелять я не буду, а вот с автоматом моим они поиграются, сколько угодно.

Что делать молодому парню в такой ситуации? Были бы патроны, разговоров никаких не было, а Устав гарнизонной и караульной службы требует мужества и самоотверженно-

сти при охране и обороне своего поста.

Я бросился к телефону, но связи как назло не было. Нажал на кнопку вызова караула, а люди уже близко. Что они со мной сделают, одному Богу известно. Если не убьют, то покалечат. Выбора у меня не было. С автоматом наизготовку я пошел на них.

Они сначала опешили, а потом самый опытный из них крикнул:

– Бей его!

Все. Рубикон перейден. Люди под этим кличем делали революции и убивали своих родителей и братьев. А солдат в юнкерских погонах генетический враг сыну местного пролетария и гегемона революции.

Отработанным движением я всадил штык в ногу подстрекателя, обратным ударом приклада свалил на землю другого нападавшего, и следующим выпадом ранил штыком третьего. Двое парней убежали, а три человека лежали на земле, причем двое были ранены и достаточно серьезно.

Страха не было. Как говорил ведун, не бойся ничего и все у тебя получится. Тут и дежурная смена с начальником караула по сигналу прибежала. На пост поставили двоих часовых. Прибыл начальник училища с оперуполномоченным особого отдела и фельдшером.

Раненых перевязали, задокументировали действия нападавших и часового, а потом вызвали милицию. Посадить их не посадили, но был суд, на котором им дали условные сро-

ки наказания. А местные жители обходили банно-прачечный комбинат стороной. Да и уважение к курсантам стало больше. Если они за баню людей не жалеют, то уж за страну свою кому угодно глотки порвут.

Как-то так получилось, что мое увлечение всякими механизмами было замечено преподавателем по теоретической механике. Однажды он попросил меня помочь ему в одной из работ на кафедре, а потом я был официально закреплён в качестве его помощника при проведении научно-исследовательских работ.

Мое посвящение в мир науки началась с часов. С простых часов. Хотя простых часов не бывает. Все часы, даже огромные будильники – это сложный механизм, основанный на математических расчетах, чтобы цикл движений всех механизмов укладывался в двадцать четыре часа, если часы точны как часы и точность у них как в аптеке.

У каждого часов есть двигатель, основная колесная система и стрелочный механизм. Затем идут механизмы заводки часов и перевода стрелок, а так же регулятор хода часов. Есть и другие дополнительные механизмы в виде системы подзаводки, различных календарей и прибаббахов в виде будильников, секундомеров, заводных головок и кнопок, чтобы часы гляделись как самый сложный космический механизм.

Не знаю, как кого, но меня часы увлекли. Узлы классных механических часов собираются на платине (это название детали, а не материал изготовления) – никель-серебря-

ной пластине, являющейся основанием часового механизма. Это целое искусство разместить на небольшой пластине огромное количество деталей и механизмов. Даже электронные механизмы имеют механические части. Чип может вам показать время, дату, сложить два числа, решить уравнение, но он не сможет вас накормить и напоить без механики. Механическое сердце заменяет человеку настоящее, но электронное сердце может стать заменой лишь для робота. Человек такой же механизм, как и часы, только детали немного не такие, а в остальном все так же. Человек и часы – можно сказать – родственники. Поэтому человек всегда относится с большим пиететом к часам и часы в жизни человека имеют большое значение.

Мое увлечение часами сыграло свою не только научную, но и прикладную роль. Я имел возможность больше времени проводить на кафедре в «часовом» уголке. Заказов было море. Я еле успевал справляться с ними, а ведь нужно же было еще и учиться. Иногда я думал, а почему я просто не пошел в часовщики? Был бы часовщиком. Занимался бы приятным делом, менял сломавшиеся детали, разбирал на запчасти старые часы, реставрировал раритеты. Идиллия вместо ежедневных побудок в шесть часов тридцать минут утра зимой и в шесть ноль-ноль летом.

Смена зимнего и летнего времени без всякого перевода стрелок часов. Учитесь у военных людей, господа российские законодатели. Если бы вы были людьми умными, то хо-

дили бы строем. Хотя, вы и так ходите строем в составе своих фракций, но не надуйте щеки, это вам не идет. В строю человек должен иметь вид бравый и глупый, чтобы начальство ничего плохого не подумало.

Мои дополнительные занятия механикой привели к тому, что мой преподаватель, который после нашего выпуска ушел начальником лаборатории в научно-исследовательский институт министерства обороны, предложил мне идти с ним в качестве ассистента.

– Молодой человек, – сказал он, – у вас есть определенные способности, которые нужно развивать. Можно пойти во взводные в дежурную смену на установку, но ведь кто-то же должен делать ракеты и испытывать их, чтобы ваши товарищи могли их запускать по назначению. У вас есть полчаса на раздумья, пока я не сниму халат, не вымою руки и не надену китель, чтобы пойти к начальнику с рапортом о вашей дальнейшей судьбе.

– Я согласен, – почти крикнул я.

– Вот и славно, – сказал мой учитель, – отгуляете свой первый офицерский отпуск, а в предписании будет сказано, куда вам нужно будет явиться для дальнейшего прохождения службы.

Пять лет учебы пролетели незаметно. Еще недавно я был неопытным первокурсником, а сейчас мой наставник разговаривает о моей офицерской судьбе.

Выпускная церемония отработана десятилетиями и ниче-

го особенного собой не представляет. Никаких таинственных посвящений в особую касту. Построение в парадной офицерской форме. Выдача дипломов. Рукопожатие. Напутствие. Официальный банкет и его продолжение в ресторане.

В мое время в рестораны дозвоительно было ходить и курсантам. Позвоительно по положению и по деньгам. Сейчас в рестораны можно ходить только с большими деньгами.

Постоянной женщины у меня не было. В ресторане я познакомился с ослепительной женщиной чуть постарше меня. Как вам описать ее? Опишу просто – королева. Какого царства? Любого. Любым царством командовать сможет. На конкурс красоты? На любой и будет мисс любого уровня. Какие-то крылья подняли нас, понесли и принесли в ее квартиру.

– Дышала ночь восторгом сладострастья, – сказал бы поэт.

У меня не было слов. Но под утро я проснулся от женских рыданий.

– Что с тобой, – обнял я ее за плечо.

– Ну, почему же я не могу найти себе принца или дворянина, – плакала она. – Вот ты офицер в блестящей форме с золотыми погонами, а трахаешься точно так же как водопроводчик или милиционер...

Я был в некотором недоумении, считать это оскорблением либо простой констатацией факта? Остановился на втором варианте.

Рядом с настоящей королевой и мужчина будет настоящим королем. Сусальное золото является золотом до тех пор, пока к нему никто не притрагивается. А как начнешь его трогать, и вся позолота стирается. Так и с чувствами. Нельзя их подвергать трению бесконечное количество раз. Вероятно, и этой женщине была уготована судьба быть женой или любовницей водопроводчика.

Дома восторги по поводу приезда офицера. Первым в роду стал офицером и получил высшее образование. Это событие.

Нашел время и наведал в домик, где жил ведун. Он был еще жив.

– Пришел, соколик, – приветствовал он меня, ставя чай и наливая янтарный мед в блюдечко. – Я знал, что ты появишься. Офицером вот стал. Стал и настоящим мужиком, который кровушки понюхал и женщину познал. Пора делом заниматься, а не приключения искать. У тебя вон пушки на петлицах, а ведь недавно ты был в синей форме летчика, поэтому и путь у тебя в космонавты.

– Я всего лишь инженер по ракетам, – сказал я, – и космос буду наблюдать со стороны.

– Ты слушай, чего старик тебе говорит, и не перебивай меня, – сказал ведун. – Учись всему, что тебе под руку подвернется. Бесполезного знания не бывает. И никогда не сомневайся в своих силах и возможностях. Мечтай. И полетишь в космос. Еще там Аэлитку подцепишь и будешь ску-

чать по ней.

– Оно бы хорошо, – улыбнулся я, – да вот только нет нигде населенных планет, чтобы лететь туда. Да и к нам никто не прилетит.

– Искать нужно, – сказал старик. – Бог вездесущ и поэтому люди не одиноки. Кто в Бога не верит, тот не верит в то, что мы не одиноки во Вселенной. Вот тебе крестик медный. Носи и не снимай его. Он тебе поможет.

Ведун засмеялся и погладил меня по голове.

Глава 3

Москва встретила приветливым солнцем и какой-то домашней суетой. Институт находился в Подмоскovie. Нашел быстро. Отдел кадров. Представление начальнику института.

– Товарищ генерал-майор, – чеканил я, – лейтенант Снежинин для дальнейшего прохождения службы прибыл.

Любой рапорт напоминает грамматическую форму персидского языка: можешь говорить что угодно, а вот глагол в именной и временной форме будь добр поставить в конец предложения.

– Так-так, Снежинин говоришь? – генерал и директор НИИ встал и обошел вокруг меня. – Снежинин. Смотри, нашим барышням глаза не запороши и стул подо мною не пили, а не то я загоню тебя туда, куда Макар телят не гонял и не увидит история нового Эйнштейна. Понял?

– Понял, товарищ генерал-майор, – отчеканил я.

– А раз понял, – сказал генерал, – то желаю тебе удачи на первом месте службы. Надеюсь я на нашу молодежь и несколько не боюсь за свой стул, достойного сам посажу в него. А сейчас иди, твой начальник лаборатории уже заждался тебя.

Я четко повернулся и вышел. Настроение боевое и хорошее. Где тут горы, и в какую сторону их нужно сдвигать? Хо-

тя, я русский, а русский в гору не пойдет, русский гору обойдет. Хотя вот в Китае был один мужик по имени и фамилии Юй Гун. Построил он себе дом под горой и через несколько лет вдруг заметил, что гора загораживает от него солнце. Солнце он не мог передвинуть, поэтому решил передвинуть гору. Несколько поколений Юй Гунов копали гору и землю в корзинках переносили в другое место. И все-таки перенесли гору. Вообще-то, они быстрее бы разобрали дом и перенесли его в другое место, но сам факт передвижки горы говорит о том, что китайцы могут нас догнать и перегнать, поэтому и нам самим нужно двигать горы, чтобы быть во всем впереди.

– Ну-с, с прибытием на Большую землю, сынок, – приветствовал меня мой учитель. – Вот твоя лаборатория, вот твои коллеги, вот твой стол. Осваивайся. Знакомься с людьми, входи в курс дела.

– А что я буду делать? – спросил я.

– Пока не знаю, но займись вот этими часами. Осмотри их и скажи свое мнение, для чего они нужны и стоит ли заниматься ими дальше, – сказал подполковник с оружейной фамилией Федоров, но с необыкновенными способностями видеть то, что не видит никто.

– А чем мы здесь будем заниматься вообще? – спросил я.

– Трудно сказать, – ответил учитель, – мы находим непознанное, познаем его и отдаем людям. Мы – Прометеи, забираем у Богов то, что они прячут от людей. Не часто уда-

ется что-то взять и поэтому начальство клюёт нашу печень, требуя составления планов, отчетов, взятия повышенных обязательств и вызова на соревнование соседних лабораторий по изготовлению того, не знаем чего. Не торопись все узнать. Если кто-то спросит, чем мы здесь занимаемся, поверти пальцем у своего виска и от тебя отстанут с расспросами. Моя конторка вот там, заходи, как возникнут вопросы. Крупные вопросы. С мелочами тебе помогут коллеги.

И я окунулся в науку. Начал с часов. Сел и стал смотреть, как устроен механизм и что здесь может быть странного. Часы как часы. Тикают. Отделка хорошая. Не уступят никаким элитным швейцарским. Часами занимался в училище, часами стал заниматься и здесь. Что-то в этих часах есть, раз учитель поручил их мне. Неужели мне нужно было оканчивать военно-инженерное училище по ракетному профилю только для того, чтобы стать часовым мастером в офицерских погонах? Нет. Это мой профессиональный экзамен, экзамен на инженера и на ученого, поэтому я должен дать полную характеристику этим часам, чтобы зарекомендовать себя специалистом и получить настоящее научное задание по специальности.

Сотрудникам лаборатории я был представлен перед обеденным перерывом. Начальник лаборатории собрал всех офицеров, численностью четырнадцать человек и представил меня – пятнадцатого.

– Очень приятно, – молча сказали они мне, – потом по-

знакомимся, что ты за снежинка, упавшая нам на голову.

В своем письменном-рабочем столе я нашел тетрадь амбарного типа, разграфленную на строчки и колонки. Стандартная – сто листов, листы проколоты по центру ближе к корешку и прошиты толстой суровой ниткой, связанной узлом, приклеенным бумажкой к форзатцу. Понятно. Тетрадь для секретных записей. Придет начальник канцелярии, поставит штамп с грифом секретности, штамп с инвентарным номером, еще один штамп сзади у приклеенной бумажки и впишет, что в данной тетради пронумеровано, прошнуровано и скреплено печатью 100 (сто) листов. Распишется и даст мне расписаться в книге выдачи, чтобы я каждый день сдавал ему эту тетрадь, и каждый день получал ее для работы.

– Серьезная организация, – подумал я, – но это завтра, а сегодня я буду заниматься порученным мне делом, делая записи для памяти.

Мне не сказали, можно или нельзя разбирать эти часы. Но раз эти часы делал не я, а часы исправны, поэтому нет надобности разбирать их, благо и крышка часов прозрачная, как у современных дорогих часов. Мне поставили задачу изучить часы, но не разбирать часы. Если человек изучает человека, то он же не разбирает его на части. Он общается с человеком, гладит его, осматривает и делает свои выводы. И механизм тоже можно считать живым существом, пока он действует, поэтому и мы будем изучать его визуально.

Часы были странны тем, что на циферблате были двух-

и трехзначные цифры. 12, 111, 102, 93, 84, 75, 6, 57, 48, 39, 210, 111. Математические действия с цифрами результата не дали и не показали каких-то закономерностей. Как будто кто собрался использовать циферблат слева направо, то есть по часовой стрелке и справа налево – против часовой стрелки и поэтому цифры двухзначные, – где противоположащие значения часов однозначные и трехзначные, где значения однозначные и двухзначные. Общие значения 12 и 6. Может быть, мой вывод был и не таким правильным, но какое-то чувство исследовательской гордости я уже испытал.

При осмотре механизма первое, что мне бросилось в глаза, и о чем я сделал первую запись в книге – у часов отсутствовала заводная головка. То есть не было механизма завода часов и перевода стрелок. А вот почему так? Вы-то сами как думаете? Пришли в магазин и продавец предлагает вам товар без механизма завода часов и перевода стрелок?

– Да, – скажет он, – такому механизму эта ручка без надобности, потому что часы заводятся один раз и на весь век, а точность такая, что из Москвы будут звонить узнавать, сколько времени, чтобы настроить эталон часов.

А ничего другого в голову и не приходит. Самый глупый вывод, но я его записал. Не всегда глупый вывод бывает глупым. Если вы чего-то не знаете, то не воображайте себе то, что этого быть не может. Может. Еще как может. Вот, вспомните, например, барона Мюнхгаузена и тот случай, когда он вытащил лошадь и себя тем, что начал тащить себя за воло-

сы вверх. Смешно? А почему никто не смеется над тем, что когда велосипедист подъезжает к тротуару, то тянет велосипед за руль вверх, колесо поднимается и он въезжает на тротуар? Так что и Мюнхгаузен не сильно врал про свое чудесное спасение.

Смотрим дальше. Если нет ручки подзавода, то какой же двигатель часов, который управляется сам по себе? Что это за вечная пружина, которая задает импульс маятнику? Двигатель я нашел, но пружины у двигателя нет. Я как-то не особенно понял, как работает двигатель, но были какие-то смутные подозрения, что я имею дело с электроникой, причем с такой электроникой, которая может работать сама по себе в течение длительного времени. Только эту электронику я никак не мог найти. Маятник продолжал крутиться, делая рабочий поворот точно за секунду и точно шестьдесят раз в минуту.

На часах есть рычажок, который переводит вращение стрелок в обратную сторону, то есть, как это ни странно звучит, против часовой стрелки. В принципе, ничего странного в этом нет. Мне приходилось видеть часы, у которых стрелки идут в обратную сторону или в обратную сторону вращается циферблат.

Когда я учился в школе, мы всем классом ездили в ознакомительную поездку в одну южно-уральскую область, где делают знаменитые карманные часы с цепочкой. Часы с обратным ходом стрелок и циферблатов делали на экспорт по за-

казу капиталистических и социалистических стран. Я человек по натуре любопытный, сунул свой нос дальше, чем нам позволяли, и увидел часы с гербами и портретами президентов других стран на откидных крышках. И еще увидел раскрашенные часы. На циферблате нарисован гусар с усами. Вот он подносит руку к усам, а у него из штанов вылезает кое-что. А в это время прекрасная пейзажанка нагибается для сбора крупных ягод клубники. Он руку опускает и это тоже исчезает. И пейзажанка разгибается. Работает как маятник, но меня быстро усмотрел работник завода и вывел из запретной для простых смертных зоны. Я слышал, как он говорил кому-то, что это спецзаказ для Германии.

Мне никто не мешал проводить мои исследования, и никто как бы не обращал на меня внимания, но все с готовностью предоставляли нужные для работы приспособления и измерительные приборы.

Глава 4

Следующий день исследований был посвящен рассматриванию всех деталей с помощью микроскопа. Молодые глаза хорошо. Часовая лупа еще лучше. А вот микроскоп мне сказал больше, чем я думал. Я нашел шестерню, которая обеспечивает движение стрелок в обратную сторону. Тонкий механизм, без преувеличения можно сказать – часовой. И только микроскоп мне открыл глаза на то, что подшипниками скольжения для шестеренок и анкером являются не рубины. По стандарту, камнями, используемыми при изготовлении часов, являются природные или искусственные рубины и сапфиры, гранаты, а также алмазы. Здесь, как мне показалось, либо алмазы, либо кристаллы кварца. Если есть кварц, то в качестве двигателя используется кварцевая колебательная система с определенной частотой колебаний. Нашел и источник питания, но только таких элементов я никогда не видел. Что же, исследование закончил. Электронно-механические часы с частотой колебания маятника 60 оборотов в минуту.

Стараясь быть скромным и пряча распирающее меня чувство собственного достоинства, я вошел в кабинет учителя. Доложил. Сказал, что исследование элемента питания делать не стал, так как не специалист в этом вопросе, но года полтора часы буду идти хорошо.

– А если они будут идти дольше? – спросил подполковник.

– Могут протянуть и два года, но затем нужно менять батарею, – бодро ответил я.

– А если они лет сорок или сто без остановки пройдут, ты это себе можешь представить? – спросил меня учитель.

– Если будет атомное питание, то они могут идти и дольше, был бы механизм целый, – согласился я.

– Резонно, – сказал начальник лаборатории, – а что еще странное ты увидел при проведении исследования?

– Больше ничего, товарищ подполковник, – как-то с расстановкой сказал я, лихорадочно соображая, что же я мог пропустить. Вас, может быть, удивит, что я к учителю обращаюсь как-то обезличенно, как будто у него нет ни имени-отчества и фамилии. Есть все, но тогда молодые офицеры не обращались к старшим по имени-отчеству, а потом наступили те времена, когда имя начальника оказалось засекреченным и остается засекреченным и до сегодняшнего дня.

– А что изображено на крышке часов? – спросил учитель.

– Снежинка, – ответил я и покраснел. Неспроста эта снежинка оказалась там. А я на нее обратил внимание только как на простое украшение или как на какой-то фирменный знак.

– Так вот, лейтенант Снежинин, – сказал учитель, – это ваш личный знак. Эти часы вы будете носить на руке постоянно, и проводить дальнейшие исследования над ними. Питание пока не прошло апробацию, но по расчетам оно

не должно закончиться и через пятьсот, и через тысячу лет, потому что теоретический период полураспада заключенного там изотопа измеряется десятками тысяч лет, просто не было времени подтвердить этот расчет на практике. Часы изготовлены из особопрочных материалов, снять их не удастся, они изготовлены персонально для вас и даже кварц генератора рассчитан на частоту вашего сердцебиения – шестьдесят ударов в минуту. На эту вашу особенность я давно обратил внимание. У вас сердце тренированного человека, хотя вы не злоупотребляете физическими занятиями и откровенно ненавидите бег в любой форме. Врачи говорят, что в этом нет ничего страшного. Стабильный организм, а стабильность в нашем деле важное качество. Вы должны слиться с часами и должны работать в унисон. Не бойтесь, явления резонанса не произойдет. Ваш организм этого не допустит, но нам нужно смотреть, что будет происходить с вашим организмом.

– Сколько же лет будет продолжаться этот эксперимент? – спросил я.

– Те, кто придут на смену мне, продолжат это дело. Не волнуйся, ты не останешься без внимания, – улыбнулся мой начальник.

– Так я постоянно буду под колпаком? – Мое удивление граничило с возмущением.

– Никто за тобой следить не будет, – успокоил меня подполковник. – Пока еще не разработана система, которая поз-

воляла бы определять местонахождение человека на местности. Для этого нужно иметь много спутников, аппаратуру, поддерживающую связь со спутником и передающую информацию о местонахождении. У американцев есть достаточно перспективные разработки. Наши партия и правительство поставили нам задачу работать в этом же направлении. Но для тебя есть особая задача. Ты, как мне помнится, мечтал стать космонавтом. Мечта еще сохранилась?

А я уже не знал, хочу я стать космонавтом или не хочу. Стать космонавтом, значит – обеспечить себя на всю жизнь. Будет положение, квартира, зарплата, карьерный рост и все такое прочее. Если меня не пустили в летное училище по здоровью, то как меня возьмут в космонавты? Отказаться тоже глупо. А вдруг это не шутка и я откажусь от своего шанса. Поэтому я и сказал бодро:

– Так точно, товарищ подполковник, готов в любой момент.

– Добро, – сказал начальник, – давай сюда руку. – Он взял часы надел мне на руку и защелкнул замок браслета. – Вот ты и обручился с космосом. Поздравляю тебя. О нашем разговоре никому. Ты переводишься на особый режим жизни. Будешь проходить подготовку и жить нормальной жизнью. Дам один совет. Не заводь семью. Общение с женщинами не противопоказано. Но не доводи дело до женитьбы и до скандалов. Неприятно быть на заседании партийной комиссии, а тебе как кандидату в члены партии нужно быть образцом по-

ведения и работы. Давай, иди. И постарайся приобрести себе энциклопедические знания.

– Как это энциклопедические знания? – удивился я. – Все знать невозможно.

– Конечно, все знать невозможно, – согласился учитель, – но эрудированный человек должен знать понемногу обо всем и все о немногом. Так вот, это немногое должно быть несколько шире, чем у просто эрудированного человека. Ты должен уметь и знать все.

– Как все? – я еще не улавливал сути вопроса.

– Да так, все, – мой бывший преподаватель не терял своего терпения в беседе со мной. – Например, скакать на коне, летать на самолете, прыгать с парашютом, водить всю движущуюся технику, знать иностранные языки, уметь общаться с людьми, выживать в одиночку во всех условиях, драться, стрелять, да и мало ли еще чего должен знать человек. Быть ученым в любой отрасли и образцом во всем...

– Это что, вы меня будете готовить в разведку? – спросил я.

Глава 5

– Стоять, – сказал начальник лаборатории, – я и так сказал тебе много лишнего. Иди отсюда и забудь все, о чем мы говорили.

Перед обедом меня вызвали в отдел кадров и сказали, чтобы я зашел в первый спецотдел. Неужели из этого первого спецотдела мне не могли позвонить сами и пригласить к ним? Какая-то дурацкая конспирация. Неужели началось то, о чем мне говорил учитель. Слово учитель я не пишу с большой буквы, потому что главным моим учителем была Жизнь, которая учила меня на каждом шагу в рядах ВЛКСМ, Всесоюзном ленинском коммунистическом союзе молодежи, а сейчас в КПСС, Коммунистической партии Советского Союза, и в трудовом коллективе.

Первый спецотдел являлся самой секретной организацией, в которой работали люди, напускающие на себя таинственность и знание чего-то такого, до чего не допущены простые смертные в нашем научно-исследовательском институте. Самое интересно, что все секреты были у нас, но мы не надевали на себя шпионские маски и, вообще-то, достаточно халатно относились к тем секретам, за которыми гоняются все разведки мира.

В спецотделе проверили мои документы, завели в маленький уголок, где стоял столик размером шестьдесят сантимет-

ров на шестьдесят сантиметров, старый стул с коричневым дерматиновым сиденьем и инвентарным номером на спинке, и положили передо мной на стол бумажку, где было написано, что это подписка и подписывающийся, имея допуск по форме номер два (что это такое, я даже сейчас не представляю), обязуется хранить в тайне все ставшие известными мне сведения секретного и совершенно секретного характера и что я несу за них ответственность по всем статьям Уголовного Кодекса.

Прочитал. Расписался. Отдал бумажку начальнику первого спецотдела. Тот взял ее, зачем-то просмотрел на просвет и положил в красную сафьяновую папку с золотым тиснением «На доклад».

– Того, кто нарушает эту подписку, выносят ногами вперед. Шутка, – и начальник отдела громко расхохотался.

Чуть более пятнадцати лет прошло с тех пор, как прекратились расстрелы несогласных. Сейчас их держат в лагерях и в лечебных заведениях закрытого типа, приписывая им вялотекущую шизофрению. Разве может нормальный человек усомниться в правильности курса коммунистической партии?

Вечером, в конце рабочего дня, состоялось внеочередное партийное собрание цеховой партийной организации нашей лаборатории. Повестка дня: утверждение моей партийной характеристики. Все в недоумении, в том числе и я.

– Ты что, за границу собрался? – спрашивали коллеги.

Мне только оставалось пожимать плечами.

Характеристика была славная, хоть в разведку, хоть в космонавты.

На следующий день меня вызвали к начальнику института. В кабинете было три человека: начальник института, мой учитель и я.

– Лейтенант Снежинин, – торжественно начал начальник института. Я встал. – Садись, – начальник махнул рукой. – Мы решили доверить вам выполнение задания необычайной важности. Считайте, что вся ваша жизнь будет посвящена выполнению этого задания. Можно сказать, что вы должны пожертвовать всю свою жизнь ради этого. Мы не даем вам времени на раздумья. Вы должны сказать, да или нет?

– Товарищ генерал майор, – спросил я, – а в чем заключается это задание?

– Скажу одно, – сказал генерал, – это длительный полет в космос. Все. Остальное после того, как вы решите с принятием или непринятием нашего предложения.

– Я согласен, – твердо сказал я. Как все удачно складывается. Мне в этом году исполнится двадцать три года. Еще через год я получу старшего лейтенанта. Космический полет. По возвращению я уже майор. Это как бы аксиома. Академия. Моей карьере могут только позавидовать.

– Вот и славно, – сказал начальник института. – Вот предписание об откомандировании вас в другую часть. Больше мы ничего не можем сказать вам. Вряд ли мы с вами встре-

тимся в ближайшее время. Хотя, ваш начальник будет периодически навещать вас. Желаю успеха. Не подведите нас. — Начальник встал и пожал мне руку. Тоже сделал и мой учитель. — Никому не говорите о том, куда и зачем вы едете. Это — государственная тайна, которая доступна не всем нашим руководителям.

Новое место службы оказалось недалеко. Ехал на машине начальника института. В гражданской одежде, как написано в предписании. «Волга» легко прошуршала километров около ста и в небольшом леске подъехала к забору с вывеской какого-то института прикладной психологии и психоанализа, воротами и охраной в гражданской одежде. Я вышел и показал документы. Меня пропустили. Машина развернулась и уехала, а я с чемоданом с вещами пошел в направлении административного здания, видневшегося среди сосен.

Все как обычно. Вошел. Доложился. Но меня сразу оставили:

— Молодой человек. У нас здесь все люди гражданские. И вы гражданский человек. Так что, будьте любезны перейти на общечеловеческий язык.

Меня поселили в отдельной комнате-квартире. Вернее это как двухкомнатный номер в гостинице. Условия жизни отличные. Тишина. Я и не понял, чему меня здесь поначалу учили, но в космос меня точно не готовили.

Как всегда, начали с марксистско-ленинской подготовки, с материалов 24 съезда КПСС, который проходил с 30 марта

по 9 апреля 1971 года. Мы его начали изучать еще в училище и продолжили по программе командирской подготовки.

Все понятно. Придется сталкиваться с чуждой идеологией, и я должен быть на высоте как член коммунистической партии Советского Союза. Если женщинами будут соблазнять, то я их должен проигнорировать. Два раза. Или три.

Отчетный доклад изобиловал разными цифрами, из которых можно понять, что СССР за период с предыдущего съезда увеличил свой экономический потенциал, то есть ВВП, валовой внутренний продукт, упрочились политические основы социализма, повысилось благосостояние народов, получили развитие культура и наука.

В СССР создано развитое социалистическое общество. Успешно развивается новая историческая общность людей – советский народ.

Съезд провозгласил установку на повышение эффективности общественного производства, перевод народного хозяйства на интенсивный путь развития, соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования, всемерное развитие присущих социализму форм соединения науки с производством.

На основе коллективных мер укрепились Организация Варшавского Договора. Успешно развивается экономическое сотрудничество стран-участниц СЭВ – Совета Экономической Взаимопомощи.

Съезд подтвердил линию на восстановление и укрепление отношений между СССР и Китаем, подтвердил готовность восстановить нормальные отношения с Албанией, расширять и укреплять связи с революционно-демократическими партиями молодых национальных государств.

Честно говоря, чем больше изучаешь материалы съездов, тем больше возникает вопросов, на которые никто не может ответить и все эти вопросы переходят в разряд антисоветских. Может, сторонников коммунизма было бы больше, если бы их не изнурили пропагандой коммунизма, а занимались практическими делами.

Вранье в отношении загнивания капитализма создало целый слой населения, для которых коммунистические лозунги воспринимались как юмористические придумки.

Коммунизм сам уничтожал себя. Он всемогущ тогда, когда уничтожает своих противников. Но как только коммунизм приобретет демократические формы, он закончится. Так думал не только я. Так думали миллионы коммунистов, которым приходилось сидеть на партсобраниях, разгадывать кроссворды или предаваться мечтаниям о том, что вместо партсобраний начнется реальная экономическая реформа.

Все знали старый анекдот, но делали вид, что политических анекдотов никто не знает.

Секретарь парторганизации спрашивает младшего инженера НИИ:

– Почему вы не пришли на последнее партийное собра-

ние?

– Если бы я знал, что это последнее партийное собрание, я бы привел всю свою семью, – ответил инженер.

По марксистско-ленинской подготовке у меня всегда были положительные оценки. Проверили мои знания по марксистско-ленинской философии и научному коммунизму, и оставили в покое. Зато поставили в моей комнате сильный радиоприемник, и я должен был в течение не менее часа в сутки слушать разные радиоголоса и составлять сводку основных событий, как в нашей стране, так и за рубежом.

– Вы должны ухватывать основное в информации и сразу же делать аргументированный анализ политической ситуации, – внушал мне преподаватель по информации и аналитике.

Ежедневно по два часа со мной индивидуально занимались английским языком. Вот и вся разгадка, почему воспитанники гувернеров в дворянских семьях свободно шпрехали на любых иностранных языках, а мы после шести лет изучения иностранного языка в школе и пяти лет в институте знали в основном только это – дую пиво эври дэй или с неба вассер поливассер.

Физическая подготовка.

Обязательное утреннее плавание в бассейне. Все хорошо, но постоянно красные глаза от хлорированной воды. Зато никаких простудных заболеваний, постоянно тренированные мышцы и бодрое настроение.

Спортивные игры.

Хоккей один на один с инструктором – раз в неделю.

– Зачем мне это? – спрашивал я, стоя на подгибающихся в щиколотках ногах.

– Для укрепления ног – раз. Для тренировки выносливости – два. Вдруг придется играть в хоккей – три, – коротко отвечал инструктор и продолжал гонять меня по площадке. Зато как приятно после этой тренировки снять форму, помыться в горячем душе, выйти в махровом халате в холл и посидеть на мягком диване перед телевизором.

Большой теннис – три раза в неделю. Тогда ракетки не держали двумя руками, а только придерживали, показывая высокое мастерство игры. В тот период эта игра считалась аристократической, и ей обучали только сотрудников дипломатических ведомств, чтобы показать, что и в нашей стране живут вполне даже современные люди. Об участии в международных турнирах речи не шло, а получение огромных гонораров приравнивалось к подкупу и измене родине. Любой спортсмен или сотрудник международной организации – гражданин СССР всю наличную валюту сдавал в посольство, получая сумму, кратную размеру его заработной платы дома, влача нищенское существование за рубежом и получая характеристику сквалыги от коллег по совместной работе. Сейчас такими же советскими людьми остались только северные корейцы.

Самозащита. Обучение уличной драке и поединку без

правил. Ох, и получал я тумачков по всем частям тела и частенько ходил с фингалами и расквашенным носом, вызывая улыбки и преподавателей по другим дисциплинам. Зато потом начал становиться бойцом, как-то равняясь со своим инструктором, который не особенно и жалел меня.

– Я тебя пожалею и погублю, – говорил он, – но ты должен быть лучшим, ты должен быть самым ловким, тогда сможешь выжить. Даже если тебя сбили с ног, используй все, чтобы остаться в живых, выбрать момент и снова вцепиться в противника, нанося ему непоправимый ущерб. Никогда не надейся на благородство соперника. Его нет. Весь спорт, мягко говоря, далек от рыцарства, когда речь идет о пьедестале. Только некоторые нормы приличия удерживают спортсменов от того, чтобы не вцепиться в горло счастливчика, выигравшего сотую долю секунды.

Инструктор по дракам был инструктором и по карточным играм. Ну и жулик. Он научил меня всем хитростям и премудростям игры так, чтобы выиграть, но чтобы никто не обвинил тебя в шулерстве. Он показал мне приемы шулеров и научил, как быть в такой ситуации. Но главное внимание уделялось развитию памяти и подсчету карт.

– Главное – береги голову, – говорил он, – не подставляй ее под удар. Сотрясение мозга очень нехорошая штука. Последствия непредсказуемые. Знаешь, чем закончил боксер Кассиус Клей он же Мохаммед Али? Паркинсоном.

Летная подготовка и парашютно-десантная подготовка.

Прыгать с парашютом я отказался категорически. Не буду и все тут. Хотя теоретическую подготовку прошел полностью.

– Хорошо, – сказали мне, – не хочешь, не прыгай. Просто поставим в ведомости, что программу прослушал, а от прыжка отказался. Но нужно выполнить все формальности. Отказ должен прозвучать в самолете перед прыжком. Надевай парашют.

Надел. Взлетели в воздух на «кукурузнике». На самолете АН-2. Высота примерно две тысячи метров. Открыли выходной люк. Входным он является при нахождении на земле. В воздухе он всегда выходной. Говорят:

– Подойди, посмотри на землю, а потом уже отказывайся.

Я подошел, получил коленкой под зад и полетел вниз. Парашют открылся автоматически. Страх не было никакого. Испугаться не успел. Когда полетел вниз, стал думать, что мне нужно делать, чтобы замедлить свободное падение. А тут и парашют раскрылся. Ближе к земле, возможно, я бы и сам дернул кольцо, но руководители мои решили подстраховаться.

Натянутые стропы и купол парашюта дают человеку точку опоры в воздухе. Боятся прыжка люди, которые не испытывали чувства полета в воздухе. Приземлился я удачно. Подогнул ноги, ударился ногами, повалился на бок и перевернулся несколько раз, чтобы скрутить стропы и погасить парашют. Подъехавший на машине инструктор поздравил ме-

ня с первым прыжком и вручил значок парашютиста.

– Давай еще раз, – попросил я, – иначе я больше никогда не прыгну.

– А больше и не надо, – ответил инструктор, – зато мы знаем, что когда прижмет, то ты прыгнешь и спасешь свою жизнь. Извини, что поддал коленкой под зад, не всегда героями становятся по собственному желанию. Чаще всего по приказу.

Глава 6

Отдельно расскажу о том, как меня учили выживать в экстремальных условиях, потому что занятия были практическими и проводились в городских условиях.

Первое. Выявление слежки за собой и уход от слежки. Теоретически все выходило складно, а вот на практических занятиях все обстояло не так.

Меня вывозили на машине в город и оставляли в определенном месте, откуда я двигался по подготовленному заранее маршруту. Причем я не имел права выделяться из толпы спешащих по своим делам людей. Я должен иметь объяснение нахождения в данном месте и в данное время. Мне категорически запрещалось провоцировать следящих за мной на какие-то действия, выявляющие их среди других людей.

В первый раз я вообще не мог сказать, следил кто-то за мной или нет. Мне казалось, что следили, но кто конкретно, я не имел представления.

– Ищите знакомых людей, – наставлял меня инструктор, мужчина лет пятидесяти с крупным красным носом, свидетельствовавшим о том, что у человека может быть повышенное артериальное давление или частое употребление напитков охотников и рыбаков после удачной охоты или рыбалки у костра с горячей ухой или жареным мясом.

– Каких знакомых? – возмутился я. – В этом городе я

не знаю ни одного человека, а вероятность того, что здесь появится кто-то из моих знакомых, настолько низка, что ее нельзя даже рассматривать.

– Как вы считаете, – спросил меня инструктор, – если вы каждый день встречаетесь с одним и тем же человеком, который идет вам навстречу, он может считаться вашим знакомым?

– Ну, знакомым его назвать трудно, но и называть его неизвестным человеком тоже нельзя, – сказал я.

– Все правильно, – согласился инструктор, – но если вы в течение дня встретите одного и того же человека в разных местах города, что вы можете подумать по этому поводу?

– Я могу предположить, что это некоторое стечение обстоятельств, – сказал я, – но в большей степени можно заподозрить, что этот человек идет по моим следам.

– Вот именно, – оживился инструктор, – вы должны помнить всех, кто попадал в ваше поле зрения. Вот вам шесть фотографий. Время на запоминание личности одна минута. – Он взглянул на часы и засек время. – А вот сейчас посмотрите эти три альбома и скажите, есть ли в них эти люди?

Я смотрел на фотографии и никого не находил. Но такого не должно быть. Зачем мне давать эти фотоальбомы, если там нет этих людей? Хотя, это может быть тонкий психологический ход, чтобы заставить искать то, чего там нет. И вдруг я увидел знакомую физиономию, но в совершенно другой одежде, нежели на фотоснимках, показанных мне ин-

структором. Все правильно. Нужно смотреть не на одежду, а на лицо. Одежда это всего только маскировка. И я сразу нашел почти всех, кого мне показывал инструктор.

– Молодец, ухватил в точку, – похвалил меня инструктор. – Я тебе уже говорил об этом, но ты меня как-то не слышал. Сейчас дошел своим умом, значит, врежется в память накрепко.

На следующем практическом занятии я обнаружил трех человек, которые шли за мной, периодически меняя элементы одежды. Я не оглядывался назад, используя отражение всех блестящих предметов и тренируя свои глаза смотреть по-лошадинному. Не удивляйтесь. Лошадь, не поворачивая головы, видит своего всадника и тех, кто позади него. И человек при тренировке может увеличить угол зрения своих глаз. Не так сильно, как лошадь, но достаточно.

На одном из занятий я шел по Ваганьковскому кладбищу и увидел идущую навстречу мне девушку. Встреча с девушкой, даже на кладбище, всегда настраивает на лирический лад.

– Мужчина, угостите даму сигаретой, – томно сказала девушка.

– Может, лучше конфетку? – предложил я.

– Ты что пристаешь к девушке? – раздался грубый голос сбоку.

Я оглянулся. Меня обступали пять человек, подходящие со всех сторон. Ясно, что девушка была приманкой. Она ни-

куда не убегала и не испытывала никакого волнения и испуга. И люди эти собрались не просто так. Понятно, что это не вампиры, а грабители. И встреча с ними на кладбище, как месте последней стадии памяти о человеке, может стать действительно последней.

Места для применения первого приема самбо (самооборона без оружия, а первый прием это бег на длинные и короткие дистанции) было мало, и все пути были перекрыты. Нужно драться и пробивать себе путь для отхода.

В этой ситуации пассивное ожидание смерти подобно. Я выбрал самого здорового и изо всех сил ударил его по ноге чуть выше его ботинка. Это самое больное место. Хотите проверить? Проверьте и вы надолго, а, возможно, навсегда запомните мой совет.

Затем я сразу напал на второго, который был у них главарем и столкнулся с организованной силой, имеющей хороший опыт нападения в группе.

Помощь пришла неожиданно со стороны бригады, которая осуществляла за мной наблюдение. Меня выдернули из круга и начали бить налетчиков сильно и методично. В драку включился и я, подшибая тех, кто пытался сбежать из круга.

Девушка-приманка получила прямой в нос и вырубилась до конца схватки. Она должна быть довольна – ее била настоящая королева и я любовался ею до тех пор, пока сам не получил удар в челюсть.

После схватки мы попрощались и пошли в разные стороны. Я обернулся и посмотрел им вслед, откровенно любясь фигурой самой красивой участницы драки. Я подозревал, что в группе есть девушка (при попытке пойти по левой стороне идущего вниз эскалатора, я услышал за спиной цокот женских каблучков, который сразу же прекратился, как только я встал на правую сторону движущейся лестницы), но не мог ее увидеть.

Затем был курс выживания в городских условиях в виде человека без определенного места жительства и работы.

Теория совмещалась с практикой. Я обследовал много помоек, собирал теплые вещи, пригодные для надевания и использования в качестве постели. Затем я нашел дом, в котором на последнем этаже есть дополнительный лестничный пролет с дверью, ведущей на крышу, и сделал там свое лежбище в стороне от посторонних глаз.

Главное – не лежать на холодном полу и иметь средства дезодорирования (не все аэрозоли расходуются до конца) и «туалет» в виде пустых и герметичных пластиковых емкостей, чтобы не создавать посторонние запахи в жилой зоне дома.

Точно так же я учился отбирать съедобные отходы, по внешнему виду определяя степень их свежести.

В нашей стране это должен уметь каждый, потому что основным принципом нашей жизни является – от суммы и от тюрьмы не зарекайся.

Принципы тюремной жизни я изучал только теоретически. Тоже, вообще-то, нужное дело. Вдруг снова начнутся репрессии, а ты весь такой белый и пушистый попадаешь в камеру, рассчитанную на десять человек, но в которой содержится человек восемьдесят. И это у нас повсеместно.

– Зачем мне все это нужно? – спросил я начальника курса.

– Кто знает, что вам может пригодиться при выполнении задания, к которому вы готовитесь, – ответил начальник, – вы просто должны быть готовым ко всему. Законы тюремной жизни, законы бомжей и лазутчиков универсальны и они в той или иной мере присутствуют всюду, в том числе и на любой населенной планете Вселенной.

– А что, такие планеты уже обнаружены? – поинтересовался я.

– Кто его знает, – сказал многозначительно начальник, – если обнаружат, то мы будем внимательно изучать жизнь бомжей и заключенных на них.

Глава 7

Затем меня научили управлять самолетом и планером. Основы аэродинамики я изучал в училище, чтобы понимать принципы полета тактических и баллистических ракет.

Теоретический курс по устройству самолетов и органам управления непосредственно на материальной части. Все ошупано своими руками и принцип действия тех или иных механизмов навсегда отложился в голове.

Один полет на самолете-спарке ЯК-54 вместе с инструктором и самостоятельный вылет на самолете ЯК-55.

Один раз попробовал сделать фигуры высшего пилотажа, и мне даже понравилось крутиться в воздухе, иногда совершенно не понимая, в какой стороне находится небо, а в какой – земля.

Такой ускоренной подготовки не имел никто, как я думаю. Взлететь не трудно, труднее приземлиться. Но я приземлился. Удача всегда была со мной.

Не менее одного раза в неделю, я совершал полеты на спортивных самолетах, совершенствуя летное мастерство. Моя мечта стать летчиком осуществлялась.

Затем тренировки на планерах. Планер взлетает сам, будучи привязанным стальным тросом к самолету. По сигналу самолета дергаешь рычаг сцепки, и планер взмывает в воздух, предоставленный сам себе, и повинаясь восходящим

и нисходящим потокам воздуха и, иногда, воле пилота. Это я так шучу. Пилоту планера нужно рассчитывать свой полет для выполнения задачи – приземлиться в заданной точке и в указанное время, чтобы хватило «топлива» восходящих потоков под крыльями.

В программе обучения были курс криптографии, методика изучения иностранных языков, скорочтение, развитие памяти, ориентирование на местности, стрелковая подготовка, методика общения с людьми, правила этикета, курс бальных танцев, верховой езды, плавание и водолазное дело, дайвинг, как сейчас говорят. Похоже, что из меня готовят Джеймс Бонда. Недаром парашютный инструктор говорил, что героями становятся не по собственному желанию, а по приказу.

Больше всего возни было с английским языком. В школе и в училище я учил немецкий язык и вроде бы что-то знал из него. Сам сказать ничего не мог, но зато мог читать любые немецкие тексты как заправский немец. А про английский правильно говорят, что написано Манчестер, а читается как Ливерпуль. Я даже алфавит не мог прочесть наизусть, потому что назубок помнил этот же алфавит, но в немецком чтении. Но зато, когда я держал этот алфавит перед глазами, то я вполне свободно и без усилий произносил: эй, би, си, ди, и, эф, эйч... В латинском алфавите 26 букв, а в английском языке 44 звука. Вот и получается, что написано одно, а слышится совершенно другое. Но и его я осилил.

Полгода подготовки пролетели незаметно. Меня перевели

на другой объект, где началась настоящая космическая подготовка. Я был поселен в комнате без права выхода из нее. Все компактно. Моя кровать – откидная. Сетка с надувным матрасом, такой же подушкой и почти невесомым пуховым одеялом. Такие кровати типа нар на гауптвахтах называются «вертолетами», потому что опускаются на ночь и поднимаются на день. Небольшой письменный стол. Аппарат для чтения микрофильмов, магнитофон и видеоманитофон в одном аппарате. Два в одном. По тому времени аппаратура самая современная, а если сравнить с сегодняшней техникой, то один ноутбук вполне мог бы заменить всю эту технику.

Я учился готовить себе еду из биомассы, выращиваемой гидропонным методом и утилизировать отходы человеческой жизнедеятельности. Термическая обработка при помощи микроволновой аппаратуры. Приготовление блюд по разработанному меню. Биомасса, скажу я вам, порядочная гадость, типа дрожжей, но она практически вечная и воспроизводит сама себя из себя и вполне подходит для поддержания жизни в человеческом организме.

Я делал все, не задавая вопросов, для чего это нужно и какая цель подготовки. Я знал, что готовлюсь для полета в космос, но при чем здесь бальные танцы? Я понимаю, что должен до тонкости знать все устройство моей комнаты, возможно, что это и будет моим рабочим и жилым местом на время полета. Я должен буду сам устранять неполадки аппаратуры, ремонтировать энергохозяйство, электронику, за-

ниматься гигиеной и сохранением своего здоровья.

Я учил астронавигацию, на тренажере задавал параметры электронно-вычислительной машине для маневрирования, приземления и взлета космического корабля. Я имел представление о компьютерной технике, но компьютеры того времени были огромными по сравнению с сегодняшними компьютерами. И меня учили на полупроводниковой технике, что было революционным для моего времени.

Наконец, наступил день, когда мне сказали, для чего я готовлюсь. Действительно, было что скрывать от меня, потому что вряд ли молодой человек согласится с этим предложением.

Последний этап подготовки проводился непосредственно руководителем полета с участием моего учителя.

– Олег Николаевич, – начал руководитель полета. Это что-то особенное, если ко мне обратились по имени отчеству. Преподаватели и техники обращались так, но не начальство. – Олег Николаевич, мы разговариваем с вами от имени Политбюро ЦК КПСС. – При этих словах так и хотелось встать и взять под козырек. Удивляло, что не было сказано, что от имени и по поручению лично Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза товарища такого-то. – Вам поручена важная и историческая задача по совершению самого длительного управляемого полета к обитаемой планете в соседней с нами солнечной системе, установлению контакта с ее жителями, обмена технологиями, зна-

ниями и возвращение на Родину. Ваша подготовка считается законченной. Решение Политбюро о вашем запуске было секретным. Ваш старт будет тоже без торжественных проводов, зато ваше возвращение будет триумфальным и поставит первое в мире государство социализма вне досягаемости в соревновании с капиталистической системой. Ваш подвиг будет по достоинству оценен потомками. Вам будут поставлены прижизненные памятники на всех континентах, и все люди будут знать ваше имя. Остальное вам расскажут мои помощники и подготовят к полету. Успехов вам, товарищ майор!

Он пожал мне руку и ушел. Надо же, майора присвоили до старта. Действительно, важный будет полет.

Мы остались вдвоем с учителем.

– Олег, я буду вносить ясность в твое задание, а ты уже сам прикидывай, как и что ты будешь выполнять, – сказал он. – Рубикон перейден, назад пути нет. Наши ученые, основываясь на принципе сохранения равновесия во всех системах, окружающих наш мир, установили, что противовесом нашей земли является планета с условным наименованием Иксзэт (XZ). Она находится примерно в сорока световых годах от нас. Далеко? Далеко, но мы разработали фотонный двигатель. Как это нам удалось и почему это не удавалось никому? Это очень большой секрет.

Работы по созданию фотонного двигателя ведутся по всему миру. Что вроде бы проще создания огромного прожек-

тора — источника фотонов и летать себе по космосу со скоростью триста тысяч километров в секунду или даже обогнать луч света, оставляя его позади себя? Но не получается. Не те фотоны. Нужен такой прожектор, который по мощности сильнее лазера, но он не должен уничтожать все, что оказывается позади корабля. Свет должен быть не менее сильным, чем световое излучение при ядерном взрыве.

Мы разработали принцип космического паруса с использованием космического излучения и провели его практическое испытание. Мы уже послали несколько зондов-парусников в направлении планеты Иксзэт. Долетели они до нее или не долетели, мы не знаем. Связь прервалась через несколько лет полета. Может быть, сигнал нам послан, но он идет и придет к нам на землю через несколько десятков лет, но мы не должны сидеть на месте.

Еще в начале пятидесятих годов товарищ Сталин распорядился, чтобы наши летчики сбивали все цели, которые появятся в нашем воздушном пространстве. Мы сбивали все и исследовали сбитые объекты. Поступали самые фантастические доклады о боевых столкновениях с кораблями пришельцев, неопознанными летающими объектами, но на земле ничего не находили. Ничего. Но вот в районе нахождения наших ядерных объектов и ракетных установок эти объекты появлялись регулярно.

Точно так же обстоит дело и у американцев. У них результаты более внушительные. Мы по-иному не можем объяс-

нить технологический прорыв и «изобретение» новых видов материалов. Они ни с кем не делились. Тем более с нами.

Ты улетаешь, поэтому я могу тебе сказать, что наши руководители загнобили самых выдающихся ученых и изобретателей, которые обогнали свое время. Тем, кому удалось вырваться на Запад, создали самые благоприятные условия и наши бывшие соотечественники продвинули науку и технику наших противников не от того, что они стали врагами, а от того, что нет Пророка в своем отечестве. Да и сейчас обстановка не намного лучше.

Для твоего корабля использована техника, созданная в единственном экземпляре. Такого пока нет нигде. До массового использования компьютерной техники вряд ли когда дойдет. Компьютер это джин в бутылке. Он будет доступен и правоверному коммунисту, и правоверному антикоммунисту. Как только людям станет доступна информация, их уже ничем не остановить. Лет через пятнадцать-двадцать будет раскрыта информация и о твоём космическом полете. Партия скажет, что она не сидела сложа руки, а пересмотрела свои же установки о том, что кибернетика это продажная девка империализма.

Но мы отвлеклись. Так вот, в месте одной, так называемой схватки нашего истребителя с летающей тарелкой в районе полигона Капустин Яр, мы нашли странный маленький радиоактивный камешек, на котором было небольшое блестящее пятнышко, оказавшееся золотом 999 пробы. На сегодня

хватит. Продолжим завтра, а сейчас пойдем ужинать.

Глава 8

Ужин был прекрасен. С коньяком, икрой, красной рыбой и осетриной, солеными огурчиками и грибочками, курятиной-гриль, ухой из речной рыбы и стейками из сочного мяса на деревянных досках. Мои пожелания выполнялись все и очень быстро. При хорошей закуске алкоголь не действует быстро и оглушительно, а если все это под интересную застольную беседу и без смешивания спиртных напитков, то утреннее состояние характеризуется отсутствием всякого похмельного синдрома и высокой работоспособностью.

– Геннадий Иванович, – спрашивал я у своего учителя, – а есть ли какие-то предположения о том, как выглядят обитатели Иксзэт? Может они вот такие же мыслящие грибы, как вот этот груздь, только с глазами или какими-то органами, заменяющими им глаза? Или вдруг там сплошная вода, а все жители рыбы и как я с ними установлю контакт?

Мне было весело задавать эти вопросы после хорошей дозы коньяка. Все будущее выглядело в розовом цвете в виде прекрасных женщин, которые так и ждут сигнала твоих глаз, чтобы броситься на шею и покрывать все тело поцелуями нежных губ, а вокруг кружатся лепестки роз мягкие, ароматные.

– Мы, конечно, не знаем, как выглядят обитатели планеты, – сказал с расстановкой учитель, – но, если исходить

из принципа равновесия, то они не должны сильно отличаться от нас ни по строению тела и внутренних органов, так и по уровню развития. Но, если поблизости есть обитаемые планеты и если они установили контакты с развитыми цивилизациями, то они могут быть более развитыми. Вот тут тебе поможет твоя молодость, смекалка, способность к усвоению всего нового...

– Геннадий Иванович, – остановил его я, – я хоть и выпил достаточно много, но могу судить о том, что сорок световых лет я буду лететь сорок лет со скоростью света, если действительно у нас есть фотонный двигатель. Так что по прибытию туда мне будет шестьдесят пять лет, если я доживу до этого возраста при нашей средней продолжительности жизни. Не думаете ли вы, что вся эта затея – блеф, нужный для поддержания авторитета вашего политбюро. Плевок во Вселенную. Летящий гроб на авось, вдруг кто-то его обнаружит и поймет, что где-то есть цивилизация, населенная существами, не понимающими, что космос бесконечен. Отправка корабля в вечность не будет иметь никакого результата кроме как траты огромных средств, которые можно было пустить на развитие нашей автомобильной промышленности.

– Ладно, Олег, – сказал примирительно учитель, – пойдем, в кинозале уже готово «Белое солнце пустыни». Помнишь, как там?

– Помню, – сказал я, – Джавдет мой, встретишь – не тро-

гай его.

Мы обнялись с Геннадием Ивановичем и запели:

*Ваше благородие, госпожа разлука,
Мы с тобой родня давно – вот такая штука.
Письмецо в конверте погоди, не рви...
Не везёт мне в смерти – повезёт в любви.*

В зале был накрыт столик с закуской и коньяком. Хотелось бы водочки, но лозу с зерном смешивать категорически нельзя.

– Надо бросать пить, – сказал я.

– Правильно. Я вот тоже сейчас это допью и... брошу, – сказал учитель и налил еще по рюмочке.

После кино пошли спать. Ко мне в комнату вошла официантка Татьяна. Это она так, внешне официантка, а на самом деле старший лейтенант госбезопасности Татьяна. Накрыла на столике к чаю, улыбнулась и спросила:

– Что-нибудь еще, Олег Николаевич?

– Останься со мной, Татьяна, – тихо сказал я.

Она покраснела и согласно кивнула головой.

С утра пробежка, бассейн, бритье, завтрак. Затем продолжение работы с учителем. Разговор был начат с тех слов, на которых мы закончили вчера:

– Так вот, в районе полигона Капустин Яр, мы нашли странный маленький радиоактивный камешек, на котором было небольшое блестящее пятнышко, оказавшееся золо-

том 999 пробы. Скажу прямо, что наши мысли крутились в совершенно неправильном направлении. Было выдвинуто множество гипотез по происхождению этого камешка, пока, наконец, я, как человек военный, не вбросил еще одну идею. Не догадываешься, какую или что-то начало проясняться?

– Неужели кумулятивный снаряд? – прошептал я.

– Точно, – чуть не закричал Геннадий Иванович. – Точно! Я же говорил, что ты находка для науки. На чем основан кумулятивный эффект, открытый в 1864 году русским военным инженером генералом М. М. Андриевским при создании капсюля детонатора? Кумуляция (от латинского *Cumulo* – накапливаю) это усиление действия взрыва в определённом направлении, достигаемое путём создания у взрывчатого вещества кумулятивной воронки, обращённой в сторону поражаемого объекта. В результате концентрации энергии взрыва и создания уплотнённой газовой-металлической струи в области воронки, частицы ее наружного слоя металла под действием упругого удара получают движение, отрываются от воронки и летят со скоростью больше второй космической и меньше третьей космических скоростей, образуя иглу кумулятивной струи.

Кумулятивная энергия струи, разогретой до 200—600 градусов Цельсия, переходит в энергию давления P , равную 1—2 миллиона килограмм на один квадратный сантиметр, в результате чего металл брони течёт, не нагреваясь до температуры плавления. И кумулятивную воронку

покрывают слоем чистого серебра 999 пробы. Замечаешь? Не было никакого Тунгусского метеорита, просто произошла «перегазовка» фотонного двигателя звездолета, оказавшегося у Земли. Если бы был метеорит, то куски его давно бы нашлись при нашем уровне развития поисковой техники.

Так вот, нами была выдвинута рабочая гипотеза о том, что фотонный двигатель представляет собой такую же кумулятивную воронку, покрытую золотом 999 пробы. Вместо взрывчатого вещества обогащенный уран. Инициация двигателя производится добавлением к массе урана дополнительного сектора, приближаясь, но не доводя ее до критической массы ядерного взрыва.

В результате этой реакции образуются фотоны, летящие в сторону от корабля с огромной скоростью и толкающие корабль быстрее четвертой космической скорости в 550 километров в секунду, чтобы преодолеть притяжение галактики Млечный Путь.

Мы создали фотонный двигатель, и ты будешь первым жителем нашей планеты, кто стартует на фотонной ракете. Необходимый минимум знаний по двигателю мы тебе дадим. Все автоматизировано, для тебя не будет много работы. Будешь контролировать работу автоматики и массу фотонного зеркала.

– Геннадий Иванович, – спросил я с кривой ухмылкой, – а как же я вернусь через восемьдесят-сто лет?

– А вот тут, Олег, и должны вступить в действие твои часы, которые уже давно идут с тобою в унисон без единого сбоя, – сказал учитель.

– То есть, это тоже в области научной гипотезы и я испытатель ее? – констатировал я.

– Все мы в жизни испытатели чего-то, – спокойно сказал Геннадий Иванович, – мы перебрали не одну сотню кандидатов и остановились на тебе. Вполне возможно, что когда ты вернешься, нас уже не будет на этой земле. Может быть, пройдет лет двести-триста, но ты представляешь, насколько ты продвинешь нашу науку и откроешь ворота нашей Галактики для космических исследователей и путешественников? Кто-то должен быть первым. Почему не ты? Лет через тридцать поставишь часы на обратный ход и будешь молодеть. У нас нет никаких анабиозов и усыпления людей на какое-то определенное количество лет. Будешь жить нормальной человеческой жизнью, только в условиях невесомости. Программа полета разработана скрупулезно и тебе не будет скучно в полете. Хотя, можешь и погрустить, но работа тебе не даст грустить. Исследования должны завершаться отчетами. Не скажешь же ты, что целых сорок лет гонял балду и пел песни как красноармеец Сухов?

Глава 9

Старт был назначен на среду. Как в том анекдоте. Как писать слово «вторник»? Через «в» или через «ф»? А-а-а, пиши – в среду. В среду, так в среду.

Никакой помпы с запуском. Никаких космодромов. Подмосковный аэродром. Стоит высотный бомбардировщик, на спине которого русский «шаттл-челнок» с русским именем «Буран». Фотонный двигатель находится рядом с маршевыми соплами и закрыт щитками, которые мне предстоит убрать.

Самолет поднимает меня на максимальную высоту чуть более двадцати километров и я стартую прямо с фюзеляжа самолета. Запускаю двигатели, расстыковка, самолет-носитель уходит вниз, я ухожу вверх. Был всего один испытательный полет в автоматическом режиме с возвращением «Бурана». Все обошлось нормально. Мой возврат не предусматривается. Как-нибудь потом, если все будет хорошо, то вернусь и я.

Комната предполетной подготовки летчиков. Я в скафандре. Члены государственной комиссии в составе трех человек в черных пальто и в шляпах. Стандартная униформа высших чиновников коммунистического режима. Несколько человек из круга лиц, причастных к запуску: генеральный конструктор, главный двигателист, разработчик фотон-

ного двигателя, мой учитель. И все. Не было никаких бактерицидных мероприятий, предшествующих полету. На столе нехитрая закуска. Традиционный армянский коньяк. Звучит музыка, и приятный голос поет пеню на слова Владимира Войновича:

*Заправлены в планшеты космические карты
И штурман уточняет в последний раз маршрут,
Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом,
У нас еще в запасе четырнадцать минут.*

Любимая песня советских космонавтов, а у меня после первой рюмки зазвучала совсем другая песня:

*Постой паровоз, не стучите колеса,
Кондуктор, нажми на тормоза,
Я к маменьке родной с последним приветом
Спешу показаться на глаза.*

Родителям отправили телеграмму: «Срочная командировка. Отпуск в конце года. Подробности письмом».

Повышенная секретность. Потом к родителям придут специальные уполномоченные и наврут чего-нибудь про меня.

Председатель комиссии положил руку на плечо скафандра, посмотрел мне в глаза и тихо спросил:

– Готов, сынок?

– Готов, – ответил я.

– Тогда, вперед! – Он пожал мне руку, и я в сопровождении техников пошел к автобусу.

У самолета специальный подъемник поднял меня в кабину. Я сел в кресло, пристегнулся, надел шлем скафандра, установил связь с командным пунктом и с самолетом-носителем. Показал технику большой палец, все хорошо. Он вышел из кабины, заdraил люк, над выходом зажглась зеленая лампочка. В наушниках раздался голос руководителя полетов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.